

Глава 6. Психология нацизма

В предыдущей главе мы сосредоточили внимание на двух психологических типах: на авторитарной личности и на человеке-роботе. Я надеюсь, что детальный анализ этих типов поможет нам понять проблемы, рассматриваемые в этой и следующей главах: с одной стороны, психологию нацизма, с другой психологию современной демократии.

Приступая к психологии нацизма, мы прежде всего должны уяснить, каково значение психологических факторов для понимания нацизма. В научной и популярной литературе о нацизме высказывались две противоположные точки зрения. Первая состоит в том, что фашизм — это сугубо экономическое и политическое явление и психология никак его не объясняет; вторая — в том, что фашизм — чисто психологическая проблема.

Первая точка зрения рассматривает нацизм либо как результат сугубо экономического развития, то есть как результат экспансионистских тенденций германского империализма, либо как сугубо политическое явление, то есть захват государственной власти политической партией, опирающейся на промышленников и юнкеров. Иначе говоря, победа нацизма объясняется как результат обмана и подавления большинства народа вероломным меньшинством.

Согласно второй точке зрения, нацизм может объяснить только психология, точнее, психопатология. Гитлер считается маньяком или "невротиком", а его последователи — безумцами или психически неуравновешенными людьми. В свете этого объяснения, как его излагает Л. Мамфорд, подлинные корни фашизма надо искать "не в экономике, а в человеческой душе". Он продолжает: "Объяснение фашизма заключается не в Версальском договоре и не в слабости Веймарской республики, а в безмерной гордыне, в наслаждении жестокостью и в невротическом распаде".

По нашему мнению, ни одно из этих взаимоисключающих объяснений неверно. Нацизм — это психологическая проблема, но сами психологические факторы; могут быть поняты лишь при учете их формирования под воздействием факторов социально-политических и экономических. Нацизм — это экономическая и политическая проблема, но без учета психологических факторов невозможно понять, каким образом он приобрел власть над целым народом. В этой главе мы займемся именно психологическим аспектом нацизма, его человеческой базой. Нам предстоит рассмотреть два вопроса: особенности характера тех людей, к которым обращена нацистская идеология, и психологический характер самой идеологии, превративший ее в столь эффективное орудие воздействия на этих людей.

Изучая психологические предпосылки победы нацизма, нужно с самого начала провести различие между двумя группами населения. Часть народа склонилась перед нацистским режимом без сколь-нибудь значительного сопротивления, но и без восторга от идеологии или политической практики нацизма. Другая часть народа была чрезвычайно увлечена новой идеологией и фанатически предана тем, кто ее провозглашал. Первая группа состояла в основном из рабочего класса, а также из либеральной и католической буржуазии. Но хотя эти слои относились к нацизму враждебно с самого момента его зарождения и до 1933 года, хотя они имели прекрасную организацию — особенно рабочий класс, — они не проявили того внутреннего сопротивления, какого можно было бы ожидать, судя по их политическим убеждениям. Их воля к сопротивлению сломалась очень скоро, и с тех пор, они не доставляли особых трудностей новому режиму; (конечно, за исключением того малого меньшинства, которое героически борется с нацизмом все эти годы). По-видимому, эта готовность подчиниться нацистскому Я режиму была психологически обусловлена состоянием; внутренней усталости и пассивности, которые (как будет показано в следующей главе) характерны для индивида нашей эпохи даже в демократических странах. Поскольку речь идет о рабочем классе, то в Германии была еще одна причина для этого: поражение, которое он потерпел после первых побед в революции 1918 года. Рабочий класс вступил в послевоенный период с большими надеждами на осуществление социализма или по меньшей мере на существенное улучшение своего экономического, политического и социального положения. Но ему пришлось испытать непрерывный ряд поражений — каковы бы ни были их причины, — которые принесли полное крушение этих надежд. К началу 1930 года результаты первых его побед были почти полностью уничтожены, что привело к глубокому разочарованию, неверию своим лидерам, сомнению относительно целесообразности любых политических организаций, любой политической деятельности. Рабочие оставались членами своих партий и продолжали — на уровне сознания — верить в свои политические доктрины; но в глубине души многие из них потеряли всякую веру в эффективность политической борьбы.

После прихода Гитлера к власти лояльность большинства населения нацистскому правительству была усилена добавочным стимулом: миллионы людей стали отождествлять правительство Гитлера с "Германией". В его руках была теперь государственная власть, и потому борьба с ним означала самоисключение из сообщества всех немцев; когда все другие партии были распущены и нацистская партия "стала" Германией, оппозиция этой партии стала равнозначна оппозиции Германии. Наверно, для среднего человека нет ничего тяжелее, чем чувствовать себя одиноким, не принадлежащим ни к какой большой группе, с которой он может себя отождествить. Гражданин Германии, как бы ни был он чужд принципам нацизма, должен был выбирать между одиночеством и чувством единства с Германией, и большинство выбрало единство. Во многих случаях люди, не имеющие ничего общего с нацизмом, защищают нацизм от критики иностранцев, потому что расценивают ее как нападки на Германию. Страх перед изоляцией и относительная слабость моральных принципов значительной части населения помогают любой партии завоевать его лояльность, стоит лишь этой партии захватить государственную власть.

Из этого следует важнейшая аксиома политической пропаганды: любые нападки на Германию как таковую, любая пропаганда, порочащая "немцев" (вроде клички "гунны" в период прошлой войны), только усиливают лояльность тех, кто еще не вполне

отождествляет себя с нацистской системой. Эта проблема, однако, не может быть решена даже самой умной и искусной пропагандой. Ее может решить только победа — во всех странах — одной фундаментальной истины: этические принципы выше существования нации, и приверженность этим принципам вводит индивида в сообщество всех тех, кто разделял, разделяет и будет разделять это убеждение.

В противоположность отрицательному или равнодушному отношению рабочего класса, либеральной и католической буржуазии низшие слои среднего класса (мелкие лавочники, ремесленники, служащие) восторженно приветствовали нацистскую идеологию.

В этой второй группе населения, составившей массовую опору нацистского движения, люди старшего поколения формировали более пассивный слой; их сыновья и дочери стали активными борцами. Нацистская идеология — дух слепого повиновения вождю, ненависть к расовым и политическим меньшинствам, жажда завоевания и господства, возвеличение немецкого народа и "нордической расы" — имела для них огромную эмоциональную притягательность. Именно это покорило их, превратило в пылких приверженцев нацизма и борцов за его дело.

Почему же нацистская идеология оказалась столь привлекательной для низов среднего класса? Ответ на этот вопрос необходимо искать в социальном характере этой группы населения. Ее социальный характер заметно отличается от социального характера рабочего класса, верхов среднего класса и высших классов, в том числе аристократии. В сущности, некоторые черты, характерные для этой части среднего класса, видны на протяжении всей истории: любовь к сильному и ненависть к слабому, ограниченность, враждебность, скупость — в чувствах, как и в деньгах, — и особенно аскетизм. Эти люди всегда отличались узостью взглядов, подозрительностью и ненавистью к незнакомцу, а знакомый всегда вызывал у них завистливое любопытство, причем зависть всегда рационализировалась как презрительное негодование; вся их жизнь была основана на скудости — не только в экономическом, но и в психологическом смысле.

Когда мы говорим, что социальный характер низов среднего класса отличается от социального характера рабочего класса, это вовсе не значит, что подобную личность нельзя встретить среди рабочих. Но для низов среднего класса она типична, а среди рабочих проявляется в столь же отчетливой форме лишь у меньшинства. Однако те или иные черты такого характера в менее выраженной форме обнаруживались и у большинства представителей рабочего класса, например повышенная почтительность к власти или бережливость. Вместе с тем значительная часть "белых воротничков" — возможно, большинство — по своему характеру, по-видимому, ближе к рабочим (особенно к рабочим крупных заводов), нежели к "старому среднему классу", который не принимал участия в развитии монополистического капитализма, а испытывал угрозу с его стороны.

Конечно, социальный характер низших слоев среднего класса был таким же еще задолго до войны 1914 года; но послевоенные события усилили в них именно те черты, на которые больше всего действовала нацистская идеология: стремление к подчинению и жажду власти.

В период перед германской революцией 1918 года; экономическое положение нижних слоев старого среднего класса — мелких предпринимателей и ремесленников — было достаточно плачевно, но оно не было безнадежно, и существовало много факторов, которые их поддерживали.

Авторитет монархии был непререкаем; опираясь на нее и отождествляя себя с нею, представитель низов среднего класса приобретал чувство уверенности и нарциссической гордости. Столь же прочно держался еще авторитет религии и традиционной морали. Семья была еще незыблемым оплотом, надежным убежищем во враждебном мире. Индивид ощущал свою принадлежность к устойчивой общественной и культурной системе, где у него было собственное место. Его мазохистские наклонности в достаточной мере удовлетворялись подчинением существующим авторитетам, но он не доходил до крайнего самоотречения и сохранял сознание собственной значимости. Если индивиду не доставало уверенности или агрессивности, то сила авторитетов, которым он подчинялся, это компенсировала. Короче говоря, его экономическое положение было еще достаточно прочным, чтобы дать ему чувство довольства собой; авторитеты же, на которые он опирался, были достаточно сильны, чтобы обеспечить ему дополнительную уверенность, если не хватало собственной.

В послевоенный период ситуация резко изменилась. Прежде всего экономический упадок старого среднего класса пошел быстрее; этот процесс был ускорен инфляцией, которая к 1923 году почти полностью поглотила все сбережения, накопленные многолетним трудом.

В период 1924–1928 годов экономическое развитие принесло низам среднего класса новые надежды, но депрессия, начавшаяся в 1929 году, ничего от них не оставила. Как и в период инфляции, средний класс, стиснутый между рабочими и высшими классами, оказался самым незащищенным, по нему депрессия ударила сильнее всего.

Но кроме этих экономических причин, были еще и психологические, усугубившие положение. Первая из них — поражение в войне и падение монархии. Монархия и государство были в свое время незыблемой основой, на которой строилась в психологическом смысле вся жизнь мелкого буржуа; их падение разрушило эту основу. Если публично высмеивают Кайзера, если нападают на офицеров, если государству пришлось сменить форму правления и допустить "красных агитаторов" на должности министров, а какого-то шорника сделать президентом, то во что остается верить маленькому человеку? Прежде он отождествлял себя со всеми этими институтами, как унтер-офицер отождествляет себя с армией; но теперь, когда их больше нет, куда ему податься?

Инфляция тоже сыграла не только экономическую, но и психологическую роль. Она нанесла смертельный удар принципу бережливости и престижу государства. Если многолетние сбережения, ради которых человек отказывал себе в стольких маленьких радостях, могут быть утрачены без всякой его вины, то к чему вообще бережливость? Если государство может нарушить свои обязательства, напечатанные на его банковских билетах, то кому же тогда верить?

После войны резко упал не только экономический уровень среднего класса, но и его социальный престиж. Перед войной представитель этого класса ощущал, что он все-таки не рабочий, он все-таки "кто-то". После революции социальный престиж рабочего класса значительно вырос, и соответственно изменился взгляд на средний класс. Теперь его представителям не на кого было смотреть сверху вниз; исчезла эта привилегия, которая всегда была одной из главных радостей в жизни мелких лавочников и тому подобной публики.

В довершение всех этих бед пошатнулся и последний оплот уверенности среднего класса — семья. В послевоенные годы упал авторитет отца, вся мораль среднего класса отвергалась молодежью, и в Германии этот процесс был, вероятно, заметнее, чем где-либо еще. Молодое поколение поступало по-своему и не заботилось больше о том, одобряют его поведение родители или нет.

Причины этого процесса слишком многочисленны и сложны, чтобы разбирать их здесь подробно. Я упомяну лишь несколько из них. Крушение прежних символов власти и авторитета — монархии и государства — отразилось и на личных символах авторитета то есть на родителях. Родители требовали от молодежи почтения к тем авторитетам, но раз они оказались несостоятельны, то и родители потеряли престиж и власть. Другая причина состояла в том, что в новых условиях, особенно в условиях инфляции старшее поколение растерялось и оказалось гораздо менее приспособленным, чем более "гибкая" молодежь. В результате молодое поколение ощущало свое превосходство и уже не могло принимать всерьез ни учения старших, ни их самих. И кроме того, экономический упадок среднего класса отнял у родителей традиционную роль гарантов будущего их детей.

Старшее поколение низов среднего класса было более пассивно в своей горечи и разочаровании, молодежь стремилась к действию. Экономическое положение молодых было подорвано, поскольку у них не было базы для независимого существования, какая была у их отцов. Рынок свободных профессий был насыщен, так что трудно было рассчитывать на успехи в качестве врача или адвоката. Вернувшиеся с войны считали, что они заслужили лучшую участь, нежели та, что осталась на их долю. Особенно это относилось к массе молодых офицеров, которые за несколько лет привыкли командовать и ощущали власть как нечто естественное; они не могли примириться с положением мелких служащих или коммивояжеров.

Усиление социальной фрустрации вызвало психологические последствия, ставшие важным фактором в развитии национал-социализма; представители среднего класса не сознавали, что экономический и социальный упадок затрагивает именно их общественный слой; они считали, что их судьба — это судьба всего народа. Поражение Германии и Версальский договор стали теми символами, которыми они подменили свою подлинную фрустрацию — социальную.

Часто говорят, что одной из главных причин подъема нацизма было обращение победителей с Германией в 1918 году. Это утверждение необходимо уточнить. Большинство немцев считало, что мирный договор несправедлив, но рабочий класс относился к этому договору гораздо спокойнее, чем средний класс, без такой горечи и злобы. Рабочие были против

прежнего режима, и поражение в войне для них означало поражение режима. Они знали, что сражались достойно, им нечего было стыдиться. Вместе с тем победа революции, которая стала возможна только в результате военного поражения монархии, улучшила их экономическое, политическое и человеческое положение. Негодование против Версальского договора имело главную основу в низах среднего класса; причем националистические страсти были рационализацией, переводившей чувство социальной неполноценности в чувство неполноценности национальной.

Эта рационализация совершенно очевидна в личном развитии Гитлера. Он был типичным представителем низов среднего класса — был никем и не имел никаких перспектив на будущее. И очень остро чувствовал свою роль парии. В "Майн кампф" он часто говорит, что в молодости он был "никто", "безвестный человек". Но хотя это ощущение было следствием его собственного социального положения, он рационализировал его в национальных символах. Родившись за пределами империи, он чувствовал себя изгоем не столько в социальном плане, сколько в национальном. Великая Германская империя, в которую смогут вернуться все ее сыновья, стала для него символом социального престижа и надежности.

Чувство тревоги, бессилия и социальной изоляции, которыми был охвачен прежний средний класс, и вытекающие из них разрушительные тенденции — не единственный психологический источник нацизма. Крестьяне были возмущены своими городскими кредиторами, у которых были в долгу. Рабочие были обескуражены постоянным отступлением, начавшимся сразу же после их первых побед в 1918 году, разочарованы своими руководителями, полностью утратившими стратегическую инициативу. Огромное большинство народа было охвачено чувством собственной ничтожности и бессилия, о котором мы уже говорили, что оно характерно для монополистического капитализма вообще.

Эти психологические условия не были причиной нацизма, но они сформировали ту человеческую основу, без которой нацизм не смог бы развиваться. Однако полный анализ возникновения и победы нацизма должен опираться не только на психологические, но и на чисто экономические и чисто политические факторы. Поскольку этому аспекту проблемы посвящена обширная литература, а наша книга преследует специальные цели, то нам нет нужды вдаваться в обсуждение экономических и политических вопросов. Однако можно напомнить, какую роль сыграли в становлении нацизма представители крупного капитала и полуразорившегося юнкерства. Без их поддержки Гитлер никогда не смог бы победить, а эта поддержка в гораздо большей степени была обусловлена их экономическими интересами, чем какими бы то ни было психологическими факторами.

Имущие классы столкнулись с парламентом, в котором 40 процентов депутатов социалистов и коммунистов — представляли слои населения, недовольные существующей социальной системой; возраставшее число нацистских депутатов тоже представляло класс, находившийся в резкой оппозиции наиболее могущественным кругам германского капитализма. Такой парламент, в большинстве своем представлявший тенденции, направленные против их экономических интересов, казался им опасным. Они говорили, что демократия не работает. На самом деле можно было сказать, что демократия работает слишком хорошо: парламент достаточно адекватно представлял соответствующие интересы

различных классов населения страны, и как раз поэтому парламентская система стала несовместимой с интересами крупных промышленников и полуфеодалных землевладельцев, не хотевших терять свои привилегии. Привилегированные классы рассчитывали, что нацизм направит угрожающий им эмоциональный заряд в другое русло и в то же время поставит нацию на службу их собственным экономическим интересам. В целом их ожидания оправдались, хотя они и ошиблись в некоторых деталях. Гитлер и его бюрократия не стали таким орудием, которым крупны и тиснены могли бы командовать как хотели; им пришлось разделить свою власть с нацистской бюрократией, а в ряде случаев и подчиниться ей. Однако нацизм, принесяший экономический ущерб всем остальным классам, заботливо опекал интересы наиболее мощных групп германской промышленности. Нацистская система — это "усовершенствованный" вариант довоенного германского империализма; нацисты продолжают дело павшей монархии. (Впрочем, республика тоже практически не мешала развитию монополистического капитализма в Германии, даже помогла ему по мере своих сил.)

Здесь у читателя может возникнуть вопрос. Как согласовать два утверждения: что психологическую базу нацизма составляет прежний средний класс и что нацизм функционирует в интересах германского империализма? Ответ в принципе тот же, что был дан на вопрос о роли среднего бюргерства в период развития капитализма. В послевоенное время средний класс, особенно его низы, был охвачен страхом перед монополистическим капитализмом, охвачен тревогой и произрастающей из нее ненавистью. Средний класс был в панике, он был преисполнен стремлением подчиниться обнадеживающей силе и в то же время встать над кем-то бессильным и бесправным. Эти чувства были использованы другим классом для установления режима, который должен был действовать в его собственных интересах.

Гитлер оказался столь эффективным орудием потому, что в нем сочетались черты возмущенного и озлобленного мелкого буржуа, с которым низы среднего класса могли себя отождествлять эмоционально и социально, и черты ренегата, готового служить интересам германских промышленников и юнкеров. Сначала он выступал как мессия прежнего среднего класса: обещал уничтожить универсальные магазины, покончить с властью финансового капитала и т. д. Эти обещания общеизвестны, как и то, что они не были выполнены. Однако это оказалось несущественно. Нацизм никогда не имел настоящих политических или экономических принципов; единственный принцип нацизма — его радикальный оппортунизм. Существенно было то, что сотни тысяч мелких буржуа, которые при нормальном ходе событий имели очень мало шансов разбогатеть или добиться власти, в качестве членов нацистской бюрократии получили большой ломоть богатства и престижа, поскольку заставили высшие классы разделить с ними этот "пирог". Другие, не вошедшие в нацистский аппарат, получили работу, отнятую у евреев и политических противников, а остальные — хотя у них не прибавилось хлеба — приобрели "зрелища". Они получили эмоциональное удовлетворение от этих садистских спектаклей и от идеологии, наполнившей их чувством превосходства над остальным человечеством; и это удовлетворение может — хотя бы на время — компенсировать тот факт, что их жизнь стала беднее и в экономическом, и в культурном смысле.

Итак, мы видим, что определенные социально-экономические изменения (особенно упадок среднего класса и возрастание роли монополистического капитала) произвели глубокое психологическое воздействие. Это воздействие было усилено и приведено в систему политической идеологией, сыгравшей в этом отношении такую же роль, как и религиозные идеологии XVI века. Нацизм психологически возродил нижние слои среднего класса и в то же время способствовал разрушению их прежних социально-экономических позиций. Нацизм мобилизовал эмоциональную энергию этих слоев и превратил ее в мощную силу, борющуюся за экономические и политические цели германского империализма.

На следующих страницах мы покажем, что личность Гитлера, его учение и вся нацистская система являются крайними проявлениями того типа характера, который мы называли "авторитарным". Именно поэтому Гитлер особенно привлекает ту часть населения, которая обладает более или менее подобным складом характера.

Автобиография Гитлера служит прекрасной иллюстрацией авторитарной личности, а поскольку это и самый представительный документ нацистской литературы, то я воспользуюсь ею как главным источником, анализируя психологию нацизма.

Мы говорили, что авторитарный характер определяется одновременным присутствием садистских и мазохистских влечений. Садизм мы определили как стремление к неограниченной власти над другими, более или менее связанное с разрушительными тенденциями;

мазохизм — как стремление раствориться в подавляющей силе, приобщившись тем самым к ее мощи и славе. И садистские и мазохистские тенденции вызываются неспособностью индивида к самостоятельному существованию, его потребностью в симбиотической связи для преодоления одиночества.

В "Майн кампф" Гитлер неоднократно демонстрирует свое садистское стремление к власти. Оно характерно и для его отношения к немецкому народу, который он презирает и "любит" типично по-садистски, и для его отношения к политическим противникам, против которых направлены его разрушительные наклонности, составляющие существенную долю его садизма. Вот что он пишет об удовлетворении, которое доставляет массам господство: "Чего они хотят это победа сильного и уничтожение или безоговорочная капитуляция слабого" '. "Как женщина, которая предпочтет подчиниться сильному мужчине, а не господствовать над слабосильным, так же и массы любят повелителя больше, чем просителя, и внутренне их гораздо больше удовлетворяет доктрина, не допускающая никакого соперника, чем благодеяния либеральной свободы;

часто они не знают, что делать с этой свободой, и чувствуют себя покинутыми. Они не осознают ни наглости, с которой их духовно терроризируют, ни оскорбительного ограничения их человеческих свобод, потому что им никогда не приходит в голову, как их обманывает эта доктрина".

Подавление воли слушателей превосходящей силой оратора он считает существенным фактором пропаганды. Он даже не стесняется признать, что физическая усталость его

аудитории — это наиболее желательное условие, способствующее их внушаемости. Рассуждая о том, в какое время дня лучше проводить массовые политические митинги, он говорит: "По-видимому, утром и даже в течение дня человеческая воля более энергично восстает против попыток подчинить ее воле и мнению другого человека. Но вечером она легче уступает превосходящей силе более твердой воли. Ведь, по сути дела, каждый такой митинг представляет собой схватку двух противоположных сил. Высший ораторский дар господствующей апостольской натуры легче обратит к новой воле людей, у которых естественным образом ослабела сила сопротивления, чем людей, еще вполне обладающих своей психической энергией и силой воли".

Сам Гитлер прекрасно осознает условия, порождающие стремление к подчинению, и замечательно описывает состояние человека, присутствующего на массовом митинге: "Массовые митинги необходимы хотя бы потому, что индивид, который становится приверженцем нового движения, ощущает свое одиночество и легко поддается страху, оставаясь наедине; на митинге же он впервые видит зрелище большого сообщества, нечто такое, что большинству людей прибавляет силы и бодрости... Если он впервые вышел из своей маленькой мастерской или из большого предприятия, где он чувствует себя очень маленьким, и попал на массовый митинг, где его окружают тысячи и тысячи людей с теми же убеждениями... то он сам поддается магическому влиянию того, что называется массовым внушением".

Гегбельс оценивает массы в том же духе. "Люди хотят только одного: чтобы ими прилично управляли", — пишет он в своем романе "Михаэль". Массы для него "не больше чем камень для скульптора. Вождь и массы — это не большая проблема, чем художник и краски".

В другой книге Гегбельс точно описывает зависимость садиста от его объекта: каким слабым и опустошенным он чувствует себя, если не имеет власти над кем-либо, и как эта власть дает ему новую силу. Вот признание Гегбельса в том, что происходит с ним самим:

"Иногда впадаешь в глубокую депрессию. Ее можно преодолеть, лишь снова очутившись перед массами. Люди — источник нашей силы".

Красноречивое описание той власти над людьми, которую нацисты называют руководством, дал руководитель немецкого Трудового фронта Лей. Обсуждая качества, необходимые нацистскому руководителю, и задачи обучения руководителей, он пишет: "Мы должны знать, есть ли у этих людей воля руководить, быть хозяевами, одним словом — управлять... Управлять нужно с удовольствием... Мы научим этих людей верховой езде... чтобы привить им чувство абсолютного господства над живым существом" ¹.

Тот же акцент на силу и власть выражен в формулировке Гитлера о задачах образования. Он заявляет, что "все образование и воспитание ученика должно быть направлено к тому, чтобы привить ему убеждение в абсолютном превосходстве над другими".

Я надеюсь, читателя уже не поразит тот факт, что в другом месте он декларирует необходимость научить мальчика безропотно переносить несправедливость. Это противоречие типично для садистско-мазохистской раздвоенности между жаждой власти и

жаждой подчинения.

Нацистскими вождями, членами "элиты" движет стремление к власти над массами. Как показывают приведенные цитаты, эта жажда власти иногда выражается с откровенностью, почти невероятной. Иногда она облекается в менее агрессивную форму при помощи утверждения, что массы как раз того и хотят, чтобы ими управляли. Иногда нужно польстить массам, спрятать свое презрение к ним — и тогда прибегают к трюкам наподобие следующего. Говоря об инстинкте самосохранения, который, как мы увидим, для Гитлера более или менее идентичен стремлению к власти, он заявляет, что у арийца этот инстинкт принял наиболее благородную форму, "потому что он добровольно подчиняет свое "я" жизни общества и, если потребуется, приносит его в жертву".

В первую очередь наслаждаются властью "вожди", но и массы отнюдь не лишены садистского удовлетворения. Расовые и политические меньшинства в Германии, а затем и другие народы, которые объявляются слабыми или загнивающими, это те объекты садизма, которые "скармливаются" массам. Гитлер и его бюрократия наслаждаются властью над немецким народом, и в то же время они приучают этот народ наслаждаться властью над другими народами и стремиться к мировому господству.

Гитлер не колеблется заявить, что господство над миром является его целью, а также целью его партия. Издеваясь над пацифизмом, он говорит: "Гуманно-пацифистская идея, возможно, и на самом деле будет очень хороша, когда человек высшего ранга завоюет мир и подчинит его настолько, что станет единственным; властелином земного шара".

И еще: "Государство, которое в эпоху расового вырождения посвящает себя заботе о своих лучших расовых элементах, рано или поздно должно стать властелином мира".

Обычно Гитлер пытается рационализировать и оправдать свою жажду власти. Основные оправдания таковы: его господство над другими народами преследует их собственные интересы и интересы мировой культуры; стремление к власти коренится в вечных законах природы, а он признает лишь эти законы и следует им; сам он действует по велению высшей власти — Бога, Судьбы, Истории, Природы; его стремление к господству — это лишь защита от стремления других к господству над ним и над немецким народом. Он хочет только мира и свободы.

Примером рационализации первого типа может служить следующий абзац из "Майн кампф":

"Если бы в своем историческом развитии немецкий народ обладал тем же единством, какое выпало на долю других народов, то Германская империя, наверно, была бы сегодня владычицей всего мира". Как полагает Гитлер, немецкое господство привело бы к миру, "который поддерживается не пальмовыми ветвями слезливых пацифистских профессиональных плакальщиц, а утвержден победоносным мечом народа повелителей, поставивших мир на службу высшей культуре".

Уверения Гитлера, что его целью является не только благополучие Германии, что его действия служат высшим интересам цивилизации вообще, в последние годы стали хорошо известны любому читателю газет.

Вторая рационализация — что его стремление к власти обусловлено законами природы — это больше, чем только рационализация: в ней обнаруживается стремление к подчинению высшей внешней силе, выраженное, в частности, в его грубой вульгаризации дарвинизма. В "инстинкте сохранения вида" Гитлер видит "первопричину образования человеческих сообществ" ¹.

Инстинкт самосохранения ведет к борьбе сильного за господство над слабым и в конечном итоге к выживанию наиболее приспособленных. Отождествление инстинкта самосохранения с властью над другими находит особенно яркое выражение в гипотезе Гитлера, что "первая человеческая цивилизация, безусловно, была основана не столько на приручении животных, сколько на использовании низших людей". Он переносит свой собственный садизм на природу, "жестокую царицу всякой мудрости", заявляя, что ее закон самосохранения "связан с железным законом необходимости, по которому лучший и сильнейший в этом мире имеет право на победу".

Интересно заметить, что в связи с этой вульгаризацией дарвинизма "социалист" Гитлер отстаивает либеральный принцип неограниченной конкуренции. Возражая против сотрудничества различных националистических групп, он говорит: "При такой комбинации связывается свободная игра энергий, прекращается борьба за отбор лучшего и становится невозможной окончательная победа, которую должен одержать самый здоровый и сильный". В другом месте он называет "свободную игру энергий" "мудростью жизни".

Разумеется, теория Дарвина сама по себе вовсе не выражает чувства садистско-мазохистской личности. Наоборот, многие ее последователи связывали с ней свои надежды на дальнейшую эволюцию человечества к высшим ступеням культуры. Но для Гитлера эта теория стала выражением и одновременно оправданием его садизма. Он наивно проговаривается, какое психологическое значение имела для него теория Дарвина. Когда он жил в Мюнхене, еще безвестным, он просыпался обычно в 5 часов утра. Он имел обыкновение бросать кусочки хлеба или сухие корочки мышам, обитавшим в этой комнате, и наблюдать, как эти забавные зверушки возятся и дерутся из-за этих скромных лакомств. Эта "игра" была для него дарвиновской "борьбой за существование" в миниатюре, суррогатов гладиаторских цирков Римской империи, доступным мелкому буржуа, прелюдией к тому историческому цирку, который он собирался устроить впоследствии.

Последняя рационализация его садизма — будто бы он защищается от нападения других — многократно встречается в писаниях Гитлера. Он сам и немецкий народ всегда невинны, а их враги — звери и садисты". Значительная часть этой пропаганды состоит из преднамеренной, сознательной лжи, но отчасти ей присуща та же "искренность", которая характерна для параноидных обвинений. Эти обвинения всегда имеют функцию защиты от разоблачения собственного садизма;

обвинителя; они строятся по формуле: это у тебя? садистские намерения, значит, я не виноват. У Гитлера этот защитный механизм иррационален до крайности, поскольку он обвиняет своих противников в том же самом, что откровенно признает своей собственной целью. Так, он обвиняет евреев, коммунистов и французов в тех же самых вещах, которые провозглашает законнейшими целями собственных действий, и едва дает себе труд

прикрыть это противоречие хоть какой-то рационализацией. Он обвиняет евреев в том, что они привели на Рейн африканские войска Франции с намерением погубить белую расу, поскольку смешение неизбежно, "чтобы самим подняться до положения господ". По-видимому, здесь Гитлер сам усмотрела противоречие в том, что обвиняет других в намерениях, им же провозглашенных благороднейшей целью своей собственной расы; он пытается рационализировать это противоречие, утверждая, что у евреев другой инстинкт самосохранения, лишенный того идеалистического характера, какой он находит в арийском стремлении к господству.

Те же обвинения выдвигаются против французов. Он обвиняет их в желании задушить и обессилить Германию — и это используется как аргумент, доказывающий необходимость покончить со "стремлением французов к гегемонии в Европе", но в то же время он признает, что на месте Клемансо действовал бы точно так же.

Коммунистов он обвиняет в жестокости, успехи марксизма приписывает политической воле и беспощадности его активистов, а в то же время заявляет: "Чего не хватало Германии — это тесного сотрудничества жестокой силы с искусным политическим замыслом".

Чешский кризис 1938 года и нынешняя война дали множество примеров того же рода. Нет ни одного случая притеснений со стороны нацистов, который бы не объяснялся как защита от притеснений со стороны других. Можно предположить, что эти обвинения — чистая фальсификация, даже без той параноидной "искренности", которой могли быть окрашены прежние обвинения в адрес евреев и французов. Но они все же имеют пропагандистскую ценность: часть населения им верит, особенно низы среднего класса, восприимчивые к параноидным обвинениям в силу своего характера.

Презрение Гитлера к слабым становится особенно очевидным, когда он говорит о людях, чьи политические цели — борьба за национальное освобождение аналогичны целям, какие провозглашает он сам. Неискренность его заинтересованности в национальном освобождении, пожалуй, ярче всего проявляется в его презрении к бессильным революционерам. О небольшой группе национал-социалистов, к которой он примкнул в Мюнхене, Гитлер говорит иронично и презрительно. Вот его впечатление о первом собрании, на которое он пришел:

"Ужасно, ужасно; это было клубное сорище наихудшего пошиба. И в этот клуб я должен был вступить?"

Начали обсуждать прием новых членов; то есть речь пошла о том, что я попался".

Он называет их "смехотворной мелкой организацией", единственным достоинством которой было то, что она давала возможность "действительно личной деятельности". Гитлер говорит, что никогда не вступи бы ни в одну из существующих крупных партий. Он должен был начать свои деятельность в группе, которую считал неполноценное и слабой. Обстановка, где ему пришлось бы бороться с уже существующей силой и соперничать с равными, не стимулировала бы его инициативу и смелость.

Такое же презрение к слабым он проявляет в своих нападках на индийских революционеров. Человек, который в своих целях использовал лозунг борьбы за национальную свободу больше, чем кто-либо другой, нее испытывает никаких чувств, кроме презрения, к революционерам, решившимся без достаточных сил атаковать; могущественную Британскую империю. "Я припоминаю говорит он, каких-то азиатских факиров, быть может, даже на самом деле индийских "борцов за свободу" — я не вникал, мне не было до них дела, — которые шатались в то время по Европе и ухитрились вбить в голову даже многим весьма здравомыслящих людям бредовую идею, будто Британская империя," краеугольным камнем которой является Индия, именно? там находится на грани краха... Но индийские мятежники никогда этого не добьются... Это просто чудо чтобы сборище калек штурмовало могучее Государство... Хотя бы потому, что я знаю их расовую неполноценность, я не могу связывать судьбу моей нации с судьбой так называемых "угнетенных наций".

Любовь к сильным и ненависть к слабым, столь типичные для садистско-мазохистской личности, объясняют множество политических актов Гитлера и его сторонников. Республиканское правительство надеялось "умиротворить" нацистов своей терпимостью, но именно этим отсутствием силы и твердости увеличивало их ненависть. Гитлер ненавидел Веймарскую республику, потому что она была слаба; он восхищался промышленными и военными руководителями, потому что у тех была власть и сила. Он никогда не вступал в борьбу с установившейся сильной властью и напал лишь на те группы, которые считал беззащитными. "Революция" Гитлера — как и "революция" Муссолини — происходила под защитой реально существовавшей власти, а их излюбленными противниками были те, кто не мог за себя постоять. Можно даже предположить, что отношение Гитлера к Великобритании тоже было обусловлено, среди прочего, этим психологическим комплексом. Пока он считал Англию сильной, он любил ее и восхищался ею. Когда же убедился в слабости британской позиции — во время Мюнхена и после него, — его любовь превратилась в ненависть и стремление сокрушить Англию. С этой точки зрения "умиротворение" было политикой, которая должна была возбудить именно враждебность, а не миролюбие.

До сих пор мы говорили о садистской стороне гитлеровской идеологии. Однако, как мы видели при обсуждении авторитарного характера, в нем есть и мазохистская сторона, то есть должно присутствовать и стремление подчиниться подавляющей силе, уничтожить свое "я", и это стремление мы действительно обнаруживаем. Эта мазохистская сторона нацистской идеологии и практики наиболее очевидна в отношении масс. Им повторяют снова и снова: индивид — ничто, он не имеет значения; он должен признать свою личную ничтожность, должен раствориться в высшей силе и ощущать гордость от своего участия в ней. Гитлер ясно выражает эту мысль в своем определении идеализма: "Только идеализм приводит людей к добровольному признанию прерогатив принуждающей силы и тем самым превращает их в пылинки мирового порядка, образующего и формирующего вселенную".

Подобным же образом Геббельс определяет то, что он называет социализмом. "Быть социалистом, — говорит он, — это значит подчинить свое "я" общему "ты"; социализм — это принесение личного в жертву общему".

Самоотречение индивида — сведение его к пылинке; атому — влечет за собой, согласно Гитлеру, отказ от всякого права на личное мнение, личные интересы, личное счастье. Такой отказ составляет сущность политической организации, в которой "индивид отказывается представлять свое личное мнение и твои интересы...". Гитлер превозносит "самоотверженность" поучает, что в "погоне за собственным счастьем люди все больше опускаются с небес в преисподнюю". Цель воспитания — научить индивида не утверждать свое "я". Уже школьник должен научиться "молчать не только тогда, когда его бранят за дело; он должен научиться также молча переносить несправедливость, если это необходимо". Конечная цель изображается так: "В народном государстве народное мировоззрение должно в конечном итоге привести к той благородной эре, когда люди будут видеть свою задачу не в улучшении породы собак, лошадей и кошек, а в возвышении самого человечества; эру, когда один будет сознательно и молчаливо отречься, а другой — радостно отдавать и жертвовать".

Эта фраза звучит несколько странно. После характеристики одного типа индивидов, который "сознательно и молчаливо отрекается", можно было бы ожидать, что появится характеристика противоположного типа — того, кто руководит, берет на себя ответственность или что-нибудь в этом роде. Но вместо этого Гитлер снова характеризует этот "другой" тип как способный к самопожертвованию. Трудно уловить разницу между "молчаливо отрекается" и "радостно жертвует". Я позволю себе высказать догадку, что на самом деле Гитлер собирался сделать различие между массами, которые должны смиряться, и правителем, который должен править. Но хотя иногда он вполне, открыто признает стремление к власти — свое и своей "элиты", — зачастую он это стремление отрицает.;

В этой фразе ему, очевидно, не хотелось быть столь откровенным, и он заменил стремление властвовать стремлением "радно отдавать и жертвовать".

Гитлер прекрасно сознает, что его философия самоотречения и жертвенности предназначена для тех, кого экономическое положение лишает всякой возможности счастья. Ему не нужен такой общественный строй, где каждому было бы доступно личное счастье; он хочет эксплуатировать саму бедность масс, чтобы заставить их уверовать в его проповедь самопожертвования. Он совершенно открыто заявляет: "Мы обращаемся к огромной армии людей, которые так бедны, что их личное существование отнюдь не является наивысшим в мире богатством..."¹

Вся эта проповедь самопожертвования имеет вполне очевидную цель: чтобы вождь и "элита" могли реализовать свое стремление к власти, массы должны отречься от себя и подчиниться. Но мазохистские наклонности можно обнаружить и у самого Гитлера. Высшие силы, перед которыми он склоняется, это Бог, Судьба, Необходимость, История и Природа. В действительности все эти слова означают для него одно и то же: символ подавляющей силы.

В начале своей автобиографии он замечает: "...ему повезло, что Судьба назначила Брауна на Инне местом его рождения". Дальше он говорит, что весь немецкий народ должен быть объединен в одном государстве, потому что лишь тогда, когда это государство станет

слишком тесным для всех немцев, необходимость даст им "моральное право на новые земли и территории".

Поражение в войне 1914–1918 годов представляется ему "заслуженным наказанием, ниспосланным Вечным Возмездием". Нации, которые смешиваются с другими расами, "грешат против воли Вечного Провидения" или, как он говорит в другом месте, "против воли Вечного Творца". Миссия Германии указана "Творцом Вселенной". Небеса являются высшей категорией по отношению к людям, потому что людей, по счастью, можно дурачить, но "Небеса неподкупны". Сила, производящая на Гитлера, вероятно, даже большее впечатление, чем Бог, Провидение и Судьба, — это Природа. Тенденция исторического развития последних четырехсот лет состояла в ликвидации господства над людьми и в установлении господства над Природой. Гитлер настаивает на том, что можно и должно управлять людьми, но Природой управлять нельзя. Я уже приводил его высказывание, что история человечества началась, вероятно, не с одомашнивания животных, а с господства над низшими людьми. Он высмеивает саму мысль о том, что человек может покорить Природу; издевается над теми, кто верит, что сможет стать властелином Природы, "не имея в своем распоряжении другого оружия, кроме "идеи". Он говорит, что человек "не стал хозяином Природы, но благодаря знанию нескольких законов и секретов Природы он поднялся до положения хозяина тех живых существ, которые этим знанием не обладают". Здесь мы снова встречаемся с той же мыслью: Природа — это великая сила, которой мы должны подчиняться, а вот над живыми существами должны господствовать.

Я постарался выявить в писаниях Гитлера две тенденции, уже описанные выше как основные стремления авторитарной личности: жажду власти над людьми и потребность в подчинении подавляющей внешней силе. Идеи Гитлера более или менее идентичны всей идеологии нацистской партии. Те же мысли, что высказаны в его книге, он провозглашал в бесчисленных речах, которыми завоевал своей партии массовую поддержку. Эта идеология выросла из его личности: чувство неполноценности, ненависть к жизни, аскетизм и зависть к тем, кто живет полной жизнью, были почвой его садистско-мазохистских стремлений — и была обращена к тем людям, которых возбуждала и привлекала в силу аналогичного склада их собственного характера. Они становились горячими приверженцами человека, выражавшего их собственные чувства. Но низы среднего класса были удовлетворены не только идеологией. Политическая практика реализовала обещания идеологии: была создана иерархия, в которой каждый имел кого-то над собой, кому он должен был повиноваться, и кого-то под собой, над кем ощущал свою власть. Человек на самом верхе — вождь — имел над собой Судьбу, Историю или Природу, то есть некую высшую силу, в которой мог раствориться. Таким образом, идеология и практика нацизма удовлетворяют запросы, происходящие из особенностей психологии одной части населения, и задают ориентацию другой части: тем, кому не нужны ни власть, ни подчинение, но кто утратил веру в жизнь, собственные решения и вообще во все на свете.

Дают ли эти соображения какую-то основу для прогноза дальнейшей устойчивости нацизма? Я не считаю себя вправе делать какие-либо предсказания, но мне кажется, что имеет смысл поставить некоторые вопросы, вытекающие из рассмотренных выше психологических предпосылок. Не удовлетворяет ли нацизм при данных психологических условиях эмоциональные потребности населения и не является ли эта психологическая функция

фактором, укрепляющим его устойчивость?

Из всего сказанного выше ясно, что ответ на эти вопросы может быть только отрицательным. Факт человеческой индивидуализации — разрыва "первичных уз" — необратим. Процесс разрушения средневекового общества продолжался четыреста лет и в наше время завершается. Если не уничтожить всю промышленную систему, если не вернуть весь способ производства к доиндустриальному уровню, человек останется индивидом, который полностью выделился из окружающего мира. Мы видели, что человек не выдерживает этой негативной свободы, что он пытается бежать от нее в новую зависимость, которая должна заменить ему утраченные первичные узы. Но эта новая зависимость не обеспечивает подлинного единства с миром;

человек платит за новую уверенность отказом от целостности своего "я". Между ним и новыми авторитетами остается непреодолимый разрыв; они ограничивают и калечат его жизнь, хотя на уровне сознания он может быть искренне уверен, что подчиняется им совершенно добровольно. Однако он живет в таком мире, который не только превратил его в "атом", но и предоставил ему все возможности, чтобы стать независимой личностью. Современная промышленная система способна не только создать каждому человеку обеспеченное существование, но и дать материальную базу для полного проявления интеллектуальных, чувственных и эмоциональных возможностей каждого, в то же время значительно сократив его рабочее время на производстве.

Функцию авторитарной идеологии и практики можно сравнить с функцией невротических симптомов. Эти симптомы происходят из невыносимых психологических;

условий и в то же время предлагают какое-то решение, делающее жизнь терпимой. Но они не дают решения, ведущего к счастью и развитию личности. Они не изменяют условий, приводящих к невротическому решению. Одиночество и бессилие индивида, его стремление реализовать возникшие в нем возможности, объективный факт возрастания производственной мощи современной промышленности — все это динамические факторы, составляющие основу растущего стремления к Я свободе и счастью. Бегство в симбиотическую зависимость может на какое-то время приглушить страдание, но не может его устранить. История человечества это история растущей индивидуализации и вместе с тем. история растущей свободы. Стремление к свободе не метафизическая сила, хотя законами природы его тоже не объяснить; оно является неизбежным результатом. процессов индивидуализации и развития культуры. Авторитарные системы не могут ликвидировать основные условия, порождающие стремление к свободе; ' точно так же они не могут искоренить и стремление к свободе, вытекающее из этих условий.

Версия #1

Зверобой создал 3 июня 2025 12:46:22

Зверобой обновил 3 июня 2025 12:46:49